

вор Петрович у Достоевского, как и Рассказ Петрович у Прижова, — ходовое пародное имитирование говоруна, балетника, мастера красного словца. От речистых людей этого типа Достоевским позаимствовано многое в Сибирской тетради.

В. И. МЕЛЬНИК

К ТЕМЕ: РАСКОЛЬНИКОВ И НАПОЛЕОН

(«Преступление и наказание»)

За трагической фигурой Родиона Раскольникова в романе «Преступление и наказание» то и дело мелькает тень его исторического двойника — Наполеона. И в мыслях, и в разговорах героя не раз будет вспоминать этого человека. Уже с пушкинских времен имя Наполеона становится в русской литературе символом буржуазного индивидуализма.¹ Писатель акцентирует момент «типичности» в отношении Раскольникова к Бонапарту репликой Порфирия Петровича: «Ну, полшота, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» (6, 204).

«Теперь» — это 1860-е годы. Но любопытно то, что Достоевский, характеризуя Наполеона в романе не прямо, хотя и достаточно определенно, в качестве источников характеристик использует оценки, данные Наполеону-человеку в русских журналах времен войны 1812 г. Нельзя не учитывать и того, что ко времени написания романа существовала уже обширная литература о Наполеоне.

Хотя Раскольников не признает справедливости замечания Порфирия Петровича о «повальном наполеонизме», внутренне он склонен постоянно «провсрать» свои поступки этим историческим образцом. Сравнение себя с Наполеоном приводит его к мучительной мысли: «Нет, те люди не так сделаны; настоящий властелин, кому все разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне...» (6, 211). В седьмом томе Полного собрания сочинений Достоевского этот отрывок практически оставлен без комментария, хотя обращают на себя внимание выделенные писателем слова.

Этот авторский курсив, с одной стороны, подчеркивает психологическое состояние Раскольникова. В порыве самоуничтожения герою, кажется, доставляет удовольствие безнадежно сравнивать себя с людьми, которые обращаются с себе подобными, как с вещами («забывают... армию», «тратят... полмиллиона людей»). Однако, с другой стороны, выясняется, что курсив означает в данном случае не нечто иное, а именно: цитацию чужой речи, речи самого Наполеона. Достоевский-художник ориентируется не

только на имя Наполеона, ставшее и само по себе известным символом, но и на отражение самосознания этой личности в речи. Таким образом, Раскольников говорит о Наполеоне так, как сказал бы о себе сам Наполеон, его собственными словами!

На то, что Достоевский включает в речь Раскольникова наполеоновскую фразу, указывает помещенный в журнале «Сын отечества» за 1813 г. анекдот о французском полковнике. Вот его содержание: «Во время пребывания Наполеона в Дрезде, перед началом прошлогодней кампании, король саксонской в разговоре с ним заметил, что предстоящая кампания будет стоить множества людей. „Вероятно, отвечал деспот, но я могу ежемесячно *тратить* (depenser) двадцать пять тысяч человек!“ — Ужасный ответ государю, известному своим человеколюбием, который видел себя в необходимости предать множество своих подданных сей адекой *трате* (курсив автора. — В. М.)!»² Вероятно, анекдот этот перенечтатан из какого-нибудь французского источника, на что косвенно может указывать слово *depenser*, приведенное переводчиком для точности.

Можно было бы принять выражение Наполеона «тратить» за мрачный каламбур, который был в каком-то смысле вызван самим саксонским королем, употребившим слово «стоять». Ведь известно, что Наполеон «в разговоре, так же, как и на войне, был чрезвычайно находчив, изобретателен...»³ Однако если это и каламбур, то весьма точно отражающий самый стиль мышления Наполеона. В Скотт в «Жизни Наполеона Бонапарта» упоминает о том, что противники французского полководца называли его военачальником, «тратившим по десять тысяч человек в сутки».⁴ Очевидно, что самый способ мышления Наполеона («тратить» людей) вошел в поговорку. Воссоздавая образ русского индивидуалиста 60-х гг., Достоевский заставляет его мыслить и говорить словами и понятиями Наполеона, подчеркивая тем самым типологическую общность в психологии Раскольникова и его исторического двойника.

Читал ли Достоевский давно забытые номера «Сына отечества»? Определенно ответить на этот вопрос пока не представляется возможным. Конечно, возможно, писатель пользовался и иным источником. В данном случае важнее установить в принципе наличие реминисценции. По-моему, что и чтение «Сына отечества» также не должно представляться маловероятным. Русские писатели, обращавшиеся к теме войны 1812 г., читали этот журнал. Так, например, создавая в 1843 г. повесть «Волгины», А. Ф. Вельтман близко к тексту пересказывает и комбинировает (в речи одного из героев) два анекдота, помещенных в различных номерах журналов за тот же 1813 год.⁵

² Сын отечества, 1813, ч. 4, № 8, с. 97.

³ Стендаль А. Собр. соч. М.; Л., 1950, т. 14, с. 15.

⁴ Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта. СПб., 1837, т. 1, с. 287.

⁵ Вельтман А. Ф. Волгины. — Библиотека для чтения, 1843, т. 60, с. 44—45. Ср.: Сын отечества, 1813, ч. 1, № 1, с. 43; № 6, с. 244.

¹ См.: Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник. 4-е изд. М., 1978, с. 93—95.